

невозможен, началась переписка гетмана с Меншиковым, в которой Мазепа задавал вопрос "что делать". Все разрешилось совершенно неожиданно: 17 ноября комендант крепости сдался и допустил в крепость гарнизон из 1000 великороссийских ратных людей и 200 малороссийских казаков. Стороны согласились на том, что этот гарнизон будет содержаться за счет крепости с условием, что его маентности будут освобождены от контрибуции. После этого Мазепа двинулся в обратный путь, на Волынь, оставив половину войска в Бельском воеводстве и хелмской земле.

Правда, эта победа ничего существенного в диспозиции польской кампании не изменила. Гетман решил вернуться в Правобережье и остановился на зимние квартиры в Дубно. Но и в Правобережье было далеко неспокойно, поскольку войска гетмана были практически окружены польскими войсками, хоть и сторонниками Августа II. По-прежнему, Мазепа был вынужден лавировать между царем и собственными казаками. Старшина, казаки и православный люд отчаянно сопротивлялись намерениям поляков вновь завладеть своими имениями. Понятно, что правобережные полковники Самусь и Искра, еще недавно столь яростно дравшиеся с поляками, не испытывали энтузиазма сражаться за интересы короля Августа II.

Однако в царской ставке под Гродно Петр, Август II, канцлер Радзивилл и коронный маршал Денгоф достигли соглашения относительно правобережных земель. В тайной резолюции, подписанной царем без согласования с гетманом Мазепой, говорилось "*Государь соглашается отдать сии крепости..*". Складывается впечатление, что именно в этот момент Мазепа начал переосмысливать свое положение. Тому было несколько причин. Во-первых, идея объединения двух берегов рушилась на глазах. Во-вторых, прилуцкий полковник Дмитро Горленко, посланный гетманом под Гродно на помощь российским войскам, прислал гетману письмо, в котором жаловался на "*обиды, поношения, уничижения, досады, коней разграбление и смертные побои*", чинимые в отношении казаков русским командирами. В-